
Евгений КАМИНСКИЙ

* * *

Вот-вот и закончится эра,
где правили бал дураки.
И с неба, как красные кхмеры,
сойдут серафимов полки.

Мечом и саперной лопатой
с землю ровнять не спеша
мир этот, кривой и горбатый.
Не стынет от страха душа.

Не ноет от ужаса сердце.
Хоть спрячешься в бетон Мажино,
от участи мрачной — не деться,
не скрыться, когда суждено.

Не истинно было, а мнимо
содружество истин и вер
и жизнь против правды во имя
каких-то всеобщих химер.

Я, право, не должен был вместе,
когда всех тянули на дно...
Но вышло — на сто и на двести
со всеми вокруг заодно.

Пока соблазняла эпоха,
лукавому мнилось уму:
когда здесь совсем станет плохо,
пожалуй, сбегу на Луну.

Как будто там больше не страшен
и к роду людскому терпим
не знающий страха, как рашен,
и лютый, как зверь, серафим.

Евгений Юрьевич Каминский родился в 1957 году. Поэт, прозаик, переводчик. Автор одиннадцати книг стихотворений и нескольких книг прозы. Публиковался в журналах «Октябрь», «Звезда», «Юность», «Литературная учеба», «Волга», «Урал», «Крещатик», «Дети Ра», «День и ночь», «Плавучий мост», «Зинзивер», «Дружба народов» и других, в альманахах «День поэзии», «Поэзия», в «Литературной газете». Участник поэтических антологий «Поздние петербуржцы», «Строфы века» и многих других. Лауреат премии Гоголя за 2007 год. Лауреат Пятого всероссийского конкурса гражданской лирики им. Некрасова (2021), победитель Четвертого международного тургеневского фестиваля «Бежин луг» в номинации «поэзия» (2021) Живет в Санкт-Петербурге.

* * *

Прорабы всеобщего рабства
учили меня понимать,
что ради свободы и братства
ест чад своих родина-мать.

Едва ли померкнет светило,
узрев этот яростный пир.
Кровь Рима испивший Аттила
как раз тем и славен, вампир.

Во имя прогресса — и только...
Такая в кавычках корысть.
Мол, тех, от которых нет толка,
не грех, может быть, и загрызть.

Мол, всё лишь для общего блага,
для счастья живущих опричь...
Я знал, что попался бедняга,
но даже не бился, как дичь.

Не все ж угрожа... да сажая?!
Ведь, право, полезно гряду
слегка проредить, урожая
рекордность имея в виду.

Не выл, не давил им на жалость.
Ну что им какой-то Орфей?!
И им лишь меня оставалось
над дверью прибить как трофей.

Не все же питать себя щами?!
А если уклад вековой
сломать, и хрустеть тут хрящами,
да костью стучать мозговой?

Иль выслать в Сургут. Это, впрочем,
не смерть для того, кто живуч,
пусть ночь там чернее, чем в Сочи,
а жизнь горячее, чем сургуч.

* * *

Я сам отдал на все права
в процессе стихотворчества.
И вот — бесправней, чем трава —
ни имени, ни отчества,

не более чем проводник,
но все же и не менее,
уныло головой поник
над бездною забвения.

Я вещество ушедших лет.
Моих стихов величество
и радо б вдруг увидеть свет,
да вышло электричество.

Обиды мышь внутри шуршит,
вьет кольца меланхолия...
боюсь, тепла моей души —
на пару строф, не более.

Ах, тут бы вспыхнуть на века.
Но нет, не загорается.
Лишь память рабски, как зэка,
скрипит пером, старается.

Вдруг Тот, кто взял на все права,
и волен все поэтому,
вновь в топку жизни, как дрова,
швырнет судьбу поэтову?

* * *

Беснуется полгода тут зима,
всю душу выев.
Когда же в огороде бузина
и — к дядьке в Киев?

Прицепится в начале октября
и вплоть до мая
жует, а ты живешь, по сути, зря —
комедь ломая.

Полгода все же слишком для зимы.
А вот для лета,
когда земные дали зелены,
а плоть раздета,

когда к тебе забыться средь полей
пришла девица,
а ты все пишешь, пишешь, дуралей,
забыв забыться,

когда скрипит, впуская на чердак,
худая дверца
и солнце льет сквозь щели, но никак
не отогреться.

Чтоб отогреться, честно говоря,
хоть мало-мальски,
я б упразднил недели января
и срок февральский.

Чтоб жизни вкус почувствовать теперь,
по крайней мере,
я б все, что — холод, выставил за дверь
и запер двери.

Конечно, жаль и шубы, и манто,
и даже лыжи
стоймя за печью русской, зато
так проще выжить.

* * *

Теперь иные предпочтенья:
не смей, не думай, не страдай,
кропай безделицу для чтенья,
а если против — пропадай.

От века глупо все ж, как манны,
ждать вопля: Лазарь, выйди вон.
Не завопит. Ты гость незванный.
И значит, брат Лаокоон,

рви змия лютого скорее.
Не всем же пьянство на роду?!
Клеймят тебя с твоим хореем?
А ты их всех видал в гробу

с их нерифмованною фальшью,
с их зашифрованным нулем...
Не будешь больше в рифму дальше,
и мы, как мухи, перемрем.

У них всё в книжках понарошку:
и крик души, и сердца боль...
А ты за черной правды крошку
здесь умирать всерьез изволь.

Они всегда для славы голой,
а ты для вечности. Сиречь,
чтоб мысль кричала. И глаголом
не получалось пренебречь.

* * *

Что тебе смерти страшиться,
если при жизни гнездо
свила души твоей птица
в слове любом от и до?!

Что тебе даже Иуда
с фактами в зале суда?!
Выкинут если отсюда,
ты ведь уже навсегда

Если и сам ты, положим,
уж не живешь, а блажишь
что-то на птичьем, проходим
в парке прикинувшись лишь?!

в номере, кажется, пятом,
в гневном эссе «На посту»
синедрионом распятой...
Не пустовать же кресту?!